

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-26-33>

## **ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА. РЕТАРДАЦИЯ И АКСЕЛЕРАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ (В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)**

**Ольга Константиновна Грекова**

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, [olggre@list.ru](mailto:olggre@list.ru)*

### **Аннотация**

*Введение.* В исследованиях аспектуальной зоны смысловой организации русского предложения существует тенденция разграничения объективного и субъективного. К последней сфере относят выявленные российскими и зарубежными аспектологами в последние годы интерпретационные, прагматические значения, такие как выделенность, важность действия/состояния, неожиданность сообщения, дистанция между собеседниками, разница в их социальном или ином статусе, снятие с себя ответственности за действие и др. Однако в этом ракурсе до сих пор не была исследована скоростная интерпретация отображаемого в высказывании действия.

*Статья посвящена* интерпретационной функции глагольного вида в ее новых речевых проявлениях, не включенных в прагматический потенциал глагольного вида – ретардации и акселерации изображаемого действия. Ретардация понимается как искусственное замедление изображения хода развития действия и базируется на понятии фазы действия. Под акселерацией действия подразумевается побуждение собеседника к ускоренному началу совершения названного действия или досрочная сигнализация окончания реально не завершившегося действия. Славянские языки как таковые в значительной степени отличаются от языков других групп тонкой проработкой фаз реализации действия. Конкретно русский язык располагает разнообразными языковыми средствами обозначения фазовости, как морфологическими, так и синтаксическими. Вид глагола также причастен к этой семантической сфере и мена видовременных форм может привести к индивидуальному моделированию ситуации и определенным типам воздействия говорящего на собеседника, *которые и рассматриваются в данной работе.*

*Материал и методы.* В основе работы лежат реально прозвучавшие разговорные диалоги реплицирующего типа с названными явлениями как обладающие наиболее цельной внутренней смысловой и композиционной организацией. Данный материал подвергнут семантическому и синтаксическому анализу, использовались также некоторые принципы моделирования.

*Целью работы* является выявление и представление психолингвистических условий возникновения и формирования названных значений и механизма их реализации в дискурсе.

**Ключевые слова:** интерпретационная функция глагольного вида, ретардация действия, акселерация действия, разговорный диалог

**Для цитирования:** Грекова О. К. Интерпретационная функция русского глагольного вида. Ретардация и акселерация действия (в аспекте обучения русскому языку как иностранному) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 26–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-26-33>

## **INTERPRETING FUNCTION OF VERBAL ASPECT. ACTION RETARDATION AND ACCELERATION (IN TERMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)**

**Olga K. Grekova**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, [olggre@list.ru](mailto:olggre@list.ru)*

### **Abstract**

*Introduction.* There exists a tendency for distinguishing objective and subjective matters in the Russian sentence meaning contents aspectual zone. The latter area includes interpretive meanings, such as visibility, surprise, distance between interlocutors, social and other types of status differences between interlocutors, elimination of responsibility for action, etc., identified in recent years by Russian and foreign aspectologists. However, in this perspective, the high-speed interpretation of the action displayed in the statement has not yet been investigated.

The article is devoted to the interpretive function of the verb aspect in its new speech manifestations, not included in the pragmatic potential of the verb aspect – retardation and acceleration of the depicted action. Retardation is

understood as an artificial slowdown in the image of the development of an action and is based on the concept of an action phase. The acceleration of the action is understood as the inducement of the interlocutor to the accelerated start of the commission of the named action or the early signaling of the end of the action that has not actually completed. The Slavic languages as such differ to a large extent from the languages of other groups in the subtle elaboration of the phases of the implementation of the action. Specifically, the Russian language has a variety of linguistic means of designating phaseness, both morphological and syntactic. The aspect of the verb is also involved in this semantic sphere, and the change of aspect tense forms can lead to individual modeling of the situation and certain types of influence of the speaker on the interlocutor, which are considered in this work.

*Material and methods.* The work is based on real colloquial dialogues of so-called replying type including the above-mentioned phenomena as having the most solid internal semantic and compositional links. The data was analysed semantically and syntactically with using some modeling principles.

The main goal is revealing and representing the psycholinguistic conditions for appearing and forming the above mentioned senses as well the frame for their use in modern discourse.

*Results and discussion.* Analysis of structure and varying internal links of real colloquial dialogues allowed to reveal the main list of typical situations for expressing the senses of Action Retardation and Acceleration taking semantic preposition and postposition into consideration. Thus, their inclusion into Verbal Imperfective Pragmaticon has been substantiated. The analysed meanings' forming the binary opposition makes the sideline result.

*Conclusion.* The research resulted in widening the Imperfective verb's pragmatic sphere boundaries.

**Keywords:** verbal aspect interpreting function, action retardation, action acceleration, colloquial dialogue

**For citation:** Grekova O. K. Integratsionnaya funktsiya russkogo glagol'nogo vida. Retardatsiya i akseleratsiya deystviya (v aspekte obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu) [Interpreting Function of Verbal Aspect. Action Retardation and Acceleration (in Terms of Teaching Russian as a Foreign Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 26–33 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-26-33>

## Введение

Настоящее исследование проводилось в русле семантического и синтаксического анализа случаев некатегориального употребления видовой пары глагола, вычленяемых в рамках разговорных диалогов.

## Материал и методы

### 1. Разговорный диалог как основа проявления прагматических функций глагольного вида

Функциональный аспектологический курс для иностранных слушателей в равной мере ориентирован и на речепорождение, и на речевосприятие. Согласно коммуникативной ориентации ФГОС-4, обе эти цели главным образом должны обеспечиваться предъявлением коллоквиальных аспектуальных значений, т. е. значений, реализуемых в дискурсе, в диалогической речи.

Достаточно большое количество учебных пособий по русскому языку как иностранному (РКИ), в том числе и последних лет, адресованных учащимся разной степени подготовки, представляют русские аспектуальные значения на уровне предложения/высказывания, например: *Вечером я звоню ему, и мы договариваемся о встрече* [1, с. 692], где ограниченный контекст зачастую создает возможность двоякого и тройкого толкования, в данном случае как значения повторяемости или запланированного однократного действия. Аналогичным образом учебный материал представлен в работе В. В. Гуревич [2]. Авторы многих пособий для иностранных учащихся склонны представлять лишь монологический учебный материал, исключая материал диалогический. На наш взгляд, наи-

более эффективен в названных выше целях реплицирующий разговорный диалог.

Лингвистические особенности разговорного диалога (РД) анализировались такими авторами, как М. М. Бахтин, Е. А. Земская, А. Н. Баранов, А. Г. Баранов, И. М. Кобозева, Н. А. Купина, И. Н. Борисова и др.

Психологические его основы описаны в работах А. А. Леонтьева, А. Н. Леонтьева, А. Г. Лурии и др.

Диалогические регистры в тексте подробно рассматриваются А. В. Уржой [3, с. 81–102]. Ряд диалогических моделей рассмотрен М. А. Кронгаузом [4, с. 55–60].

Наряду с понятием «разговорный диалог», который во многих работах вводится априори, используется понятие «диалогическое единство в разговорной речи» [5, с. 38–46].

Остановимся на ключевых характеристиках РД, релевантных для синтаксического курса РКИ, включая спорные.

1. *Текстовая или нетекстовая природа.* РД ситуативен, но при этом тематический замысел коммуникантов в том или ином виде присутствует и в определенном смысле придает ему определенную связность, так что есть основания считать РД особым типом текста.

2. *Как определяются границы РД и свойственна ли ему цельность.* Границы проводятся там, где присутствует «полный цикл понимания в конструировании когерентной смысловой структуры текста» [6].

В трудах психологов цельность диалога считается особой категорией, не соотносимой с катего-

риями языкознания, и ее наличие в обозначенных выше рамках постулируется [7, 8].

### 3. Каковы статические и динамические аспекты РД.

Статический аспект – это закономерности строения РД. Динамический аспект – особенности интенционального речевого поведения коммуникантов в ходе спонтанного речевого взаимодействия, где общение играет роль интерпретативной подсистемы [9, с. 5].

В нашем подходе к заявленной в названии статьи теме мы опираемся на понятие «дискурс» и рассматриваем дискурсивный, речеповеденческий аспект РД с учетом спонтанности взаимодействия диалог-партнеров.

За единицу описания мы принимаем так называемый речевой поступок (РП) в понимании И. Н. Борисовой, т. е. адресованное, мотивированное, интенциональное, контекстуально и социально обусловленное коммуникативное действие, осуществляемое языковыми средствами [10, с. 150].

Для обоснования отбора речевого материала, демонстрирующего специфические явления, в частности прагматикона НСВ, следует обратиться к типологии речевых поступков и, на наш взгляд, учитывать также и так называемый личностный (т. е. личностно важный) смысл. Концепция личностного смысла разрабатывалась А. А. Леонтьевым [11] и А. Н. Леонтьевым [12]. По А. Н. Леонтьеву, личностным смыслом является отношение мотива к цели деятельности.

Важно отметить, что межличностная значимость РП в том, что касается взаимодействия его компонентов, очень индивидуальна в каждом случае.

РП, по А. А. Леонтьеву, подвергается двойному декодированию:

- а) с точки зрения цели;
- б) с точки зрения мотива.

Существующие классификации РП основаны на разных критериях, в результате чего различают следующие типы:

1) монофункциональные и полифункциональные РП;

2) иницирующие и реактивные РП (притом что один и тот же фрагмент реплики может являться и тем и другим). Членение РД на РП не обязательно совпадает с естественным членением диалога на реплики. Отмечено, что вектор прагматической связи у инициальных РП проспективен, а у реактивных – ретроспективен. Возможны и иницирующие РП, иллюкутивно независимые, никоим образом не вынужденные [13, с. 92–93];

3) облигаторно вынуждающие/вынужденные и факультативно вынуждающие/вынужденные РП. Бытует мнение, что директивные РП запрета, при-

каза, распоряжения, команды в плане вынуждения сильнее, чем также директивные РП разрешения, совета, приглашения, просьбы, которые допускают, с одной стороны, необязательность осуществления воздействия, а с другой – опцию выбора ответного действия. РП сообщения обладает свойством факультативного коммуникативного вынуждения, а вопрос – свойством облигаторного коммуникативного вынуждения (последний вопрос в общем виде представляется довольно спорным);

4) по типу согласования действий коммуникантов в их интеракции выделяется гармонизирующее и дисгармонизирующее взаимодействие их РП;

5) по типу выражаемых коммуникативных смыслов, типология которых является предметом обсуждения в лингвистических трудах. По мнению Е. В. Падучевой, для любого РП коммуникативный смысл может быть сформулирован, хотя не обязательно в виде перформатива (например: *намекать, просить, угрожать* и проч.), или соответственно номинативно (например: *намека, просьба, угроза*) [14, с. 228]. В таких случаях РП можно именовать по коммуникативно мотивирующей их эмоции.

Существенной для функционального синтаксического курса РКИ является представленная И. Н. Борисовой классификация РП на основе их коммуникативных смыслов:

- 1) директивы (т. е. каузативы);
- 2) комиссивы (т. е. принятие обязательств);
- 3) экспрессивы (т. е. выражение эмоциональных состояний), подразделяемые на:
  - а) эмоционально-личностные (как радость, безразличие, недовольство и под.);
  - б) социально-этикетные (благодарность, извинение, благословение и под.);
- 4) вердиктивы (т. е. выражение оценки), подразделяемые:
  - а) на валюативы (оценочные мнения и суждения, такие как возражение, полемизирование, сомнение, заключение, комплимент, согласие, подтверждение, характеристика и проч.);
  - б) суппозитивы (т. е. предположения, такие как допущение, догадка, предостережение и проч.);
- 5) репрезентативы (т. е. операции с информацией, как описание, выяснение, сообщение, истолкование, комментарий, констатация, коррекция, рогатив (т. е. информативный каузатив, относимый к частным случаям директива Дж. Р. Сёрлем и сфере аргументации А. Вежбицкой), экспликатив (как аргументирование, вывод, иллюстрация, обоснование, определение, рассуждение, резюме);
- б) коммуникативные регулятивы (как фатические РП, организационные аспекты взаимодействия, речевая поддержка, мена темы, захват инициативы и пр.).

Приведенные выше классификации позволяют более детально охарактеризовать представляемые в учебных целях РКИ РД.

## II. Явления ретардации и акселерации действия как интерпретационные дискурсивные смыслы

Из выделяемых в настоящее время типов РД мы рассмотрим только диалоги динамического типа, а именно так называемые реплицирующие диалоги, поскольку они обеспечивают наиболее жесткую смысловую связь иницирующей и ответной реплик. Нарративный и унисонный типы РД остаются, таким образом, вне сферы нашего внимания.

Названный тип диалога интересен нам более всего в двух аспектах:

а) смысловое содержание препозитивной относительно анализируемой реплики части, так как там содержится временная мизансцена;

б) имплицитованное смысловое содержание постпозитивной относительно анализируемой реплики части, так как там прослеживается личностный замысел говорящего.

Ниже мы рассмотрим фрагменты реально услышанных РД реплицирующего типа, включающие:

1) РП – репрезентативы (РД блока [I], [III], [VI], [VII]);

2) РП – директивы (РД [IV, V]);

3) РП – экспрессивы социально-этикетные ([РД II]).

Анализируемые диалоги были нами услышаны и вычленены по принципу сформулированного выше полного цикла понимания слушающим данной единицы.

### 1. Явление ретардации действия

Одним из проявлений субъективной интерпретации положения дел является *ретардация*, или искусственное замедление изображения в диалоге хода развития действия или ситуации в целом. В функциональный потенциал русского вида данное явление не включается, однако оно достаточно репрезентативно в разных современных дискурсивных процессах. Важно отметить, что говорящий, характеризуя развертывание действия, располагает возможностью не только замедлить ход отображаемого в диалоге действия, но также затемнить и отменить уже достигнутый результат.

[I] – Мама была вчера на консультации у невролога. Ей сказали, что проблему позвоночника можно решить только оперативно.

– Какую операцию предлагают? (вместо предложили).

[II] – Что за ужасные новости ты смотришь по Первому каналу?

– Да вот, террористы захватили детей в заложники.

– И что сообщают об этом? (вместо сообщили).

[III] – Только что пришел мейл. У наших торговых партнеров в стране инфляция поднялась до 18,7 %.

– Что пишут о перспективах? Какое развитие событий предсказывают? (вместо написали, предсказали).

Все три примера представляют интерпретационные возможности видовременных глагольных форм и иллюстрируют одно явление – ретардацию. В более или менее неблагоприятной ситуации говорящий стремится смягчить негативный эффект передаваемой им реципиенту информации, пощадить чувства собеседника, создать некую перспективу более оптимистичного разрешения описываемого положения дел.

Остановимся теперь на особенностях используемых видовременных форм. Во всех случаях задаваемый вопрос касается действия, произошедшего и завершившегося в прошлом. Однако говорящий использует форму настоящего времени несовершенного вида (НН) вместо формы прошедшего времени совершенного вида (ПС), внося таким образом значение некой промежуточности результата, возможности иного, благоприятного исхода события.

Конкретнее, если в информативной реплике РД [I] сообщается о завершенном действии *сказали* (т. е. информация уже получена), то в ответной реплике этот результат снимается и действие представляется в его развитии, на средней стадии (*предлагают* вместо *предложили*). Так действию и его возможному результату придается меньшая определенность.

В случае [II] сообщается о действии, завершившемся в прошлом: *захватили детей в заложники* (т. е. об этом уже сообщено), но в вопросе использована форма НН *сообщают* вместо формы ПС *сообщили*, и так создается впечатление неопределенности поступившей информации (т. е., *может быть, всё не так плохо, как было сказано*).

В случае [III] в ответ на сообщение о рекордном уровне инфляции в стране партнера собеседник использует формы НН *пишут, предсказывают* вместо форм ПС *написали, предсказали*, снимая категоричность и окончательность суждения специалистов по поводу сложившейся печальной экономической ситуации.

Надо отметить, что наши случаи [II] и [III] мы отличаем от использования форм НН в расхожих вопросах нейтрального типа, не связанных с идеей интерпретации: *Что сегодня пишут в газетах? Что там сегодня сообщает радиостанция N?*

Пользуясь инструментарием анализа, описанным в части I настоящей работы, содержание РП можно представить следующим образом:

Эмоциональное состояние говорящего (печаль, вызванная названным событием) – коммуникативный смысл (сочувствие) – интенция (не огорчить собеседника) – языковая форма (НН вместо ПС).

Личностный смысл, предполагаемый психологами в РД, в проанализированных примерах ретардации просматривается, на наш взгляд, достаточно четко. Мотивированный создавшейся не по его воле негативной ситуацией говорящий ставит целью пощадить чувства собеседника, смягчить удар при его восприятии печальной новости за счет придания ей некоторой неопределенности, создающей иллюзию возможной перемены к лучшему, лучшей перспективы.

## 2. Явления акселерации действия

Интерпретационная функция русского глагольного вида находит выражение также в явлении *акселерации говорящим отображаемого действия*. Суть этого явления заключается в побуждении диалог-партнера к ускоренному началу совершения названного действия или его подготовке. Рассмотрим это явление на примерах.

[IV] – Ты, конечно, *придешь на мой концерт в субботу?*

– *Не сердись, никак не успею, важный концерт подписываем.*

– Ну, как всегда. Я уже не удивляюсь. *Встречай тогда хотя бы после концерта и в хорошем настроении и с моими любимыми лилиями.*

[V] – *Когда вы, наконец, приедете? Я соскучился.*

– Мы с детьми *возвращаемся* ровно через неделю, во вторник утром. Так что, *папочка, готовь поцелуи и объятия. И обед с десертом не забудь! Привезём тебе подарки с моря.*

Однократное действие *встретить после концерта в субботу* обозначено формой императива несовершенного вида (НСВ) *встречай!* (Сравните: **Встреть** меня, пожалуйста, на машине: будет много цветов, я думаю. Здесь форма императива совершенного вида (СВ) *встреть* передает значение так называемой общей необходимости действия.)

Значение формы императива НСВ *встречай* можно было бы понимать как приступ к действию, или ‘действуйте немедленно’, если бы действие не относилось к будущему (см. *Встречай в субботу!*). Действие акселерируется, из плана будущего переносится говорящим в план настоящего, как если бы оно должно было произойти срочно. При этом за глагольной формой императива НСВ стоят по сути дела два действия (встретить, приобрести любимые цветы) и одно состояние (быть в хорошем настроении), мыслимые говорящим в единстве.

В РД [V] форма императива НСВ *готовь* заменяет более типичную при выражении значения общей необходимости в плане будущего времени форму императива СВ *приготовь*, условно говоря, «смещая» запланированное на определенный день в будущем действие в план настоящего и нагружая его дополнительными атрибутами: *готовь объятия, поцелуи, обед с десертом*.

Диалогические единства рассматриваемого типа обладают значительным контекстуальным потенциалом. Ряд особенностей проявляют в них глаголы так называемой группы глаголов движения. Контекстуальной модификации подвержены значения личных форм, ПН. Мы рассмотрим одну такую модификацию – трансформацию стандартизированного значения аннулированного результата.

[VI] – *Здравствуйте, очень рад вас видеть!*

– *Это как мой зам?*

– Да, и как зам тоже. И просто. Но вы же второй день в отпуске.

– Да. а) Но приехала, что называется, на ковер к начальству.

б) Но приезжала, что называется, на ковер к начальству.

[VII] – *Привет! Девять утра, а ты уже в служебной столовой, а не на рабочем месте?*

– Сам удивляюсь. а) Но зашел перекусить. Сегодня дома так торопился, что не успел позавтракать.

б) Но заходил перекусить. Сегодня дома так торопился, что не успел позавтракать.

– А что случилось-то?

– На этаже заканчивают генеральную уборку, просили подождать часа полтора.

– Повезло вам!

Случай [VIa] включает явление эллипсиса второй пропозиции. Исходное простое предложение разворачивается в сложное: *Приехала на ковер к начальству* = *Приехала, чтобы пойти на ковер к начальству* (но еще не была у него). Другими словами, говорящий приехал, но еще не у начальства и не был у него.

Иная модификация обозначения движения предстает в реплике [VIb] *Я приезжала на ковер к начальству* (т. е. уже была у него). Здесь реализуется традиционное для группы глаголов движения типа *приезжать, приходить, прилетать* в форме ПН (*приезжала, приходила, прилетала*) значение аннулированного результата движения, т. е. движения, завершившегося позже в своей исходной точке. Но в [VIb] названное значение модифицировано, и та же форма обозначает движение к цели с возвратом в некий промежуточный пункт. Таким образом формируется то, что можно назвать неполным обратным маршрутом, т. е. своего рода акселерацией приближения действия,

движения к его конечной, одновременно исходной точке.

В РД [VIIa] форма ПС *зашел* употреблена стандартно и сигнализирует значение сохраненного результата: *зашел в столовую и сейчас нахожусь здесь, в столовой*. Цель прихода (завтрак) еще не достигнута.

А в РД [VIIб] форма ПН *заходил* должна была бы обозначать аннулированный результат движения, возврат в исходную точку, находящуюся вне здания, где говорящий работает и где, скорее всего, расположена столовая. Но этого не произошло, говорящий находится в промежуточной точке, всё еще в столовой. Но его цель (завтрак) уже достигнута.

В РД [VI] и [VII] реализуется ситуативное изменение стандартного маршрута (обычно обозначаемого подобными формами) и акселерированное завершение движения говорящего.

### **III. Аспектологический комментарий речевых явлений ретардации и акселерации действия**

Материалом настоящего исследования послужили РД с одним типом семантического предиката – волевыми действиями (не состояниями, явлениями, событиями и проч.).

Как мы видим, речевое явление ретардации обозначаемого действия связано с употреблением глагольной формы НН вместо глагольной формы ПС.

На наш взгляд, это связано с рядом особенностей временной формы настоящего времени. По определению грамматического статуса НН, положения дел, обозначенные этой формой, находятся в поле зрения, в фокусе внимания. М. М. Бахтин считал, что настоящее время отображает срединную фазу любой ситуации, оно «не есть целое» и существует вне границ, имея склонность к обозначению некоего незавершенного и обобщенного [15, с. 463, 472].

В ряде аспектологических работ, например [16, с. 114–116], фигурирует значение настоящего экспозиционного, но, с нашей точки зрения, этот термин понимается чересчур расширительно, в то время как сама экспозиция подлежит типологизации.

Употребление глаголов движения указанного типа в форме ПН со значением усеченного маршрута, свойственное РД динамического типа, необходимо вводить на занятиях РКИ после знакомства учащихся с группой глаголов движения как лексико-грамматическим феноменом. Значение усеченного маршрута легко визуализируется на занятии и входит в обиход инофонов.

### **IV. Метод оппозиций в аспектологическом курсе РКИ**

Настоящее исследование, по сути, также выдвигает на обсуждение проблему использования прин-

ципа оппозиций как в описании аспектуального блока русского языка, так и в предъявлении учебного аспектуального материала в курсах РКИ.

Список аспектуальных значений русского языка в исследованиях разных авторов и в наши дни может несколько варьироваться. Оставляя за пределами обсуждения сам перечень аспектуальных значений, отметим необходимость упорядочения единиц такого перечня, он не должен выглядеть произвольным. Хаотичность предъявления аспектуальных смыслов разрушает и без того сложную аспектуальную картину предложенческих смыслов русского языка. В идеале соседствующие в перечне значения должны составлять корреляции.

В аспектуальном категориальном блоке действительно выстраиваются оппозиции концептов повторяемость – однократность, длительность – мгновенность. В прагматическом блоке попытки выстроить оппозиции неизвестны. Однако обсуждаемый в настоящей работе материал открывает такую возможность: ретардация и акселерация действия противопоставлены и оппозицию образуют. Она бинарна.

Обнаружение связанности аспектуальных значений друг с другом, обоснование образования пар или триад (как общий факт – однократность – повторяемость) входит в задачи синтаксистов (аспектологов) – практиков РКИ.

### **Основные результаты исследования**

Предметом исследования явились интерпретационные возможности видовой формы глагола в одном из функциональных стилей русского языка, в РД.

Явление ретардации при этом принадлежит к сфере употребления настоящего времени.

Явление акселерации действия связано с несколькими положениями дел, в данной работе было проанализировано употребление:

- а) императива НСВ вместо императива СВ;
- б) формы ПН вместо ПС в изъявительном наклонении.

В рассмотренных РД, включающих явления ретардации действия, актуализируются такие свойства видовременной формы НН, как переход на срединную фазу действия и включение обозначаемого в фокус внимания собеседников. Интенцией РП говорящего при этом является смягчение воздействия на слушающего сообщаемой более или менее негативной информации.

В проанализированных РД, включающих явления акселерации действия, по воле говорящего меняется модально-темпоральный план высказывания: вместо значения общей необходимости действия говорящий выражает значение, аналогичное значению «действуйте немедленно», или приступа

к действию, а по сути, выражает идею «готовься сейчас».

В случаях [VI] и [VII], где говорящим обыгрываются названия действий, обозначаемых глаголами движения, происходит акселерация перевода действия на конечную фазу. В этих ситуациях фигурирует досрочное обозначение завершения действия, еще не законченного в реальности:

Имея в виду сферу преподавания РКИ, стоит отметить, что предлагаемый в настоящей работе языковой и речевой материал (как и материал прагматических употреблений видовременных форм вообще) следует представлять на занятиях с учетом когнитивных особенностей иностранных учащихся конкретной национальности, что следует, например, из исследования Т. Акбаба [17, с. 38–45]. Основные ракурсы аспектологической подготовки инофонов были представлены О. К. Грековой [18, с. 87–94].

Анализ структуры и различных внутренних связей живых, прозвучавших разговорных диалогов реплицирующего типа позволил выявить основной перечень ситуаций реализации явлений ретардации и акселерации с учетом смысловой позиции и постпозиции. Он также обосновал возможность включения данных значений в зону прагматикона несовершенного вида русского глагола. *Побочным результатом исследования явля-*

*ется вывод об образовании изучаемыми прагматическими значениями ретардации и акселерации изображаемого действия бинарной оппозиции.*

### Заключение

Рассмотренные выше диалоги демонстрируют:

1) интерпретационные возможности НСВ;  
2) возможности сознательных манипуляций говорящего скоростным режимом изображаемого действия:

а) в первых трех случаях говорящий с помощью видовременной формы переключает фазы протекания действия;

б) в четвертом и пятом случаях побуждает собеседника ускорить подготовку к началу предписываемого действия;

в) в шестом и седьмом случаях говорящий с помощью видовременной формы совершает акселерацию завершения названного действия, таким образом компактно передавая информацию о его цели и ее достижении.

Новаии русского РД, новые прагматические употребления видовременных форм, рассматриваемые в русле коллоквиальной лингвистики, позволяют не только скорректировать рамки прагматикона НСВ и СВ, но и оценить личностные проявления говорящего на фоне законов нынешнего социума.

### Список источников

1. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного // под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 704 с.
2. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке: пособие для изучающих русский язык. М.: Русский язык, 1994. 89 с.
3. Уржа А. В. Грамматика и текст. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. 262 с.
4. Кронгауз М. А. Игровая модель диалога // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 55–60.
5. Купина Н. А. Разговорное диалогическое единство как текст // Языковой облик уральского города. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 38–46.
6. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста: автореф. ... д-ра филол. наук. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. 1993. 50 с.
7. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С. 46–48.
8. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
9. Общение. Текст. Высказывание / Т. Я. Андриященко, В. И. Батов, В. П. Белянин и др. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН: Наука, 1989. 172 с.
10. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М.: URSS, 2007. 318 с.
11. Леонтьев А. А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 56–66.
12. Леонтьев А. Н. Категория деятельности в современной психологии // Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 243–246.
13. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–93.
14. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
15. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
16. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект / под ред. Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1989. 210 с.

17. Акбаба Т. Когнитивные типы турецких учащихся при обучении глагольной лексике русского языка // Высшее образование сегодня. 2019. № 4. С. 38–45.
18. Грекова О. К. Виды подготовок аспектологической субкомпетенции иностранных учащихся (B1-B2-C1-C2) // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 87–94.

## References

1. *Kniga o grammatike. Dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* [Book about Grammar. For teachers of Russian as a foreign language]. Ed. A. V. Velichko. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2018. 704 p. (in Russian).
2. Gurevich V. V. *Glagol'nyy vid v russkom yazyke. Posobiye dlya izuchayushchikh russkiy yazyk* [Verbal Aspect in the Russian language. Manual for learning Russian]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994. 89 p. (in Russian).
3. Urzha A. V. *Grammatika i tekst* [Grammar and text]. Moscow, Moscow university Publ., 2014. 262 p. (in Russian).
4. Krongauz M. A. Igrovaya model' dialoga [Game model of dialogue]. *Logicheskiy analiz yazyka. Modeli deystviya* [Logical analysis of text. Models of action]. Moscow, Nauka Publ., 1992. Pp. 55–60 (in Russian).
5. Kupina N. A. Razgovornoye dialogicheskoye yedinstvo kak tekst [Spoken Dialogic Unity as Text]. *Yazykovoy oblik ural'skogo goroda* [The Urals city Language Image]. Sverdlovsk, Ural university Publ., 1990. Pp. 38–46 (in Russian).
6. Baranov A. G. *Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta. Avtoref. dokt. filolog. nauk* [Functional-Pragmatical Text Concept. Abstract of thesis diss. doc. philol. sci.]. Krasnodar, 1993. 50 p. (in Russian).
7. Leont'yev A. A. Priznaki svyaznosti i tsel'nosti teksta [Signs of coherence and integrity of the text]. *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Speech announcement semantic perception (under the conditions of mass communication)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 46–48 (in Russian).
8. Luriya A. R. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, MSU Publ., 1979. 319 p. (in Russian).
9. Andryushchenko T. Ya., Batov V. I., Belyanin V. P. *Obshcheniye. Tekst. Vyskazyvaniye* [Communication. Text. Statement]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, Nauka Publ., 1989. 172 p. (in Russian).
10. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog. Struktura i dinamika* [Russian Colloquial Dialogue. Structure and Dynamics]. Moscow, URSS Publ., 2007. 318 p. (in Russian).
11. Leont'yev A. A. Smysl kak psikhologicheskoye ponyatiye [Meaning as a psychological concept]. *Psikhologicheskiye i psikholingvisticheskiye problemy vladeniya i ovladeniya yazykom* [Psychological and Psycholinguistic problems of Using and Acquiring Language]. Moscow, Moscow university Publ., 1969. Pp. 56–66 (in Russian).
12. Leont'yev A. N. Kategoriya deyatelnosti v sovremennoy psikhologii [Category of activity in modern psychology]. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya. V 2 t. T. 2* [Selected Psychological Works. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. Pp. 243–246 (in Russian).
13. Baranov A. N., Kreydin G. E. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskiye pokazateli minimal'nykh dialogov [Dialogical Text Structure: Minimal Dialogues' Lexical Indicators]. *Voprosy yazykoznanija – Linguistics Problems*, 1992, no. 3, pp. 84–93 (in Russian).
14. Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vida i vremeni v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research. Russian Aspect and Tense Semantic. Narrative Semantic]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
15. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Literature and Aesthetics Problems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (in Russian).
16. Glovinskaya M. Ya. Semantika, pragmatika i stilistika vidovremennykh form [Semantics, pragmatics and stylistics of types of tens and aspect forms]. *Grammaticheskiye issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt* [Grammar research on the pragmatic and stylistic side]. Ed. D. N. Shmeleva. Moscow, Nauka Publ., 1989. 210 p. (in Russian).
17. Akbaba T. Kognitivnyye tipy turetskikh uchashchikhsya pri obuchenii glagol'noy leksike russkogo yazyka [Turkish students' Cognitive Types while teaching Russian Verbal Vocabulary]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya – Higher education today*, 2019, no. 4, pp. 38–45 (in Russian).
18. Grekova O. K. Vidy podgotovok aspektologicheskoy subkompetentsii inostrannykh uchashchikhsya (B1-B2-C1-C2) [Training types for foreign students' Aspectological Subcompetence (B1-B2-C1-C2 levels)]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*, 2017, no. 3, pp. 87–94 (in Russian).

### Информация об авторе

**Грекова О. К.**, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991).

### Information about the author

**Grekova O. K.**, Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Lomonosov Moscow State University (Leninskie gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 20.07.2022; accepted for publication 01.10.2022